В конференц-зале обкома партии завершается выставка живописи Евгения Александровича Соколова «Ферапонтовские земли».

Российские судьбы

ТАЙНА ДИОНИСИЯ

Владимир Аринин

Выставка оставляет глубокое впечатление. Просветленные «дионисиевские» краски соколовских пейзажей несут душевную тишину, наводят на размышления. На полотнах Соколова, как правило, нет людей; это — картины родной природы, виды знаменитого монастыря. Но за всеми работами — люди, их души. И о трех таких людях, которые во многом способствовали созданию этих работ, и потому о самой выставке и пойдет речь.

Дед Кирсан

Как-то в деревне увидел Евгений Соколов у местного жителя деда Кирсана краску необыкновенной чистой и нежной голубизны. «Как голубец у Дионисия», — мелькнула мысль. А вслух спросил:

— Дед, где взял такую?

— В монастыре, — ответил Кирсан. — Я тогда еще мальчонкой был, а монастырь только закрыли власти и игуменью расстреляли. Люди говорили—в монастыре тайны есть, и я лазал по всем закоулкам монастырским и нашел тайник. А в тайнике—не золото, не деньги, а краска. Вот и принес краску домой.

Значит, в монастыре краску ценили высоко, в тайнике хранили. А, может, по «рецептам» самого Дионисия она была приготовлена. Ведь давно утрачены были секреты красок Дионисия.

Дед Кирсан, сохранивший краску, ничего о том рассказать не мог. Но многое рассказывал о своей нелегкой судьбе.

...Кирсан Смирнов был с молодых лет умельцем, сельским, так сказать, предпринимателем. Торговал конями на ярмарке, пригонял их в Ферапонтово с Чарозера. Затем завел хозяйство, имел двух коров, лошадь, построил на горе ветряную мельницу. Детей у него не было, но взял в дом приемыша-сына. Добро бы и дальше жить, да пришла коллективизация. Раскулачили Кирсана Смирнова. Раскулачиванием ведала в Ферапонтове его родственница, председатель местного колхоза Лебедева. Звали ее на селе Лебедиха, начальство ее ценило, и гордилась она высокой наградой—Почетной грамотой за подписью самого товарища Сталина. И не щадила Лебедиха ни своих, ни чужих.

Из Ферапонтова повезли раскулаченных на рудники в Мурманскую область. И везли их на верную смерть, ибо оттуда не возвращались...

Спустя многие годы раскаялась Лебедиха. Обратилась к Богу, стала верующей, просила прощения у людей...

Только из ссыльных погибли все. Выжил один Кирсан Смирнов. А выжил так: начал мастерить он гармошки в лагере — для охраны. И гармошек требовалось много — лагеря были огромные. Спасли Кирсана Андреевича Смирнова его золотые руки. Вернулся он в родное Ферапонтово и здесь доживал свой век, мастерил гармошки, славившиеся по всей округе.

Слушал Евгений Соколов рассказы деда Кирсана, вспоминал и свое нелегкое детдомовское детство, многое виденное и слышанное, и глубокое сострадание к народному горю заставляло его вновь и вновь брать кисть, но писать то, что могло успокоить душу, — прекрасные картины ферапонтовской природы, незыблемые храмы монастыря...

Николай Рубцов

— Неужели в округе нет ни одной гармошки? — спросил в тот вечер у костра Николай Рубцов.

И Рубцову принесли гармошку, сработанную дедом Кирсаном. Развернул Рубцов меха и восхитился:

— Вот это гармонь!

Нет давно в живых ни деда Кирсана, ни Николая Рубцова. Но Евгений Соколов, берясь за кисть, часто вспоминает их.

Николай Рубцов много раз гостил у Соколова в Ферапонтове. Тогда, в шестидесятые годы, приобретя избы, стали приезжать на лето в деревни близ Ферапонтова вологодские художники В. Сергеев, Ю. Петров, Г. и Н. Бурмагины, В. Малыгин. И Николай Рубцов любил бывать здесь, останавливаясь у Евгения Соколова. Он не был тогда еще знаменит.

— И мы его знаменитым поэтом не считали, — вспоминает Евгений Александрович. — Просто свой человек, похожий на нас, художников. Днем мы обычно занимались каждый своим делом. А вот вечером все собирались у костра. И все бывало — и уха, и вино, и задушевные разговоры, и песни. И Николай Рубцов здесь, у костра, становился «душой общества». Он оживлялся, пел свои стихи-песни: «Журавли», «В горнице» и другие.

— Было ли что-то особенное в Рубцове? — как бы сам себя спрашивает Соколов. — Вроде бы в обычной обстановке — нет. Но вспоминается мне такой момент. Однажды я встал очень рано, около четырех часов. Все, конечно, еще спали... Вышел из избы. Смотрю, удаляется от деревни человек. С удивлением вижу — Коля. Представьте: туман, солнце сквозь него еле-еле пробивается, коростель кричит, травы — высоченные, душистые. И идет сквозь эти росистые травы (а они ему выше пояса), в белой рубашке и, конечно, весь мокрый от росы Коля. И оглядывается стыдливо — не видит ли его кто. И что-то было в нем на самом деле особенное, нездешнее. И так он запомнился мне навсегда — уходит от нас сквозь травы.

Для Рубцова в Ферапонтове тоже была тайна, и его поэзия оказала значительное влияние на живопись Евгения Соколова. Им создан цикл «Любимые места поэта». На них Никола, родная деревня Рубцова, и Ферапонтово. «Вот, например, на этом месте, под горой за монастырем мы бывали с Рубцовым, и здесь ему очень нравилось». А Николу и ее окрестности Евгений Соколов обошел и облазил сплошь, перенося местные виды на свои холсты. Вот разрушенный храм, именно о нем, вероятно, писал Рубцов. Вот сломанное дерево на берегу реки. Оно — как символ судьбы поэта. И этот вид со сломанным деревом запечатлен художником на его полотне, где в центре — сам Рубцов. И называется картина «В минуты музыки...».

Изограф

Рубцов писал:

И небесно-земной
Дионисий,
Из соседних явившись
земель,
Это дивное диво
возвысил
До черты небывалой
досель...

Евгений Соколов впервые приехал в Ферапонтово в 1959 году. «Дух захватило, когда увидел фрески. Раньше меня древние росписи не трогали, а здесь, как чудо, заворожил меня Дионисий. И хотелось самому узнать, в чем тайна его красок».

Начал с копий фресок. И вскоре понял — копировать их обычными, современными красками невозможно. Нужны подлинные дионисиевские краски. А где их взять? Голубец, взятый у деда Кирсана, подсказал — краски здесь, рядом, на этой земле. Все остальное можно считать подвижничеством. Евгений Александрович ценой огромного труда раскрыл секрет красок изографа. Художник доказал — Дионисий действительно готовил свои неповторимые краски из местных камешков. На берегу озер, на склонах холмов Евгений Александрович собирал эти камешки, растирал их, готовил смеси. Так открыто им более двухсот «дионисиевских» красок, взятых из самой этой земли — голубая, оранжевая, зеленая, вишневая, малиновая, желтая, бирюзовая, всех не перечислить.

Соколов учился законам бестеневой живописи Дионисия, овладевал техникой его письма, применяя дионисиевскую манеру в изображении действительности.

Но главное было не в манере, не в технике, а в духовности искусства Дионисия, о чем словами сказать трудно. Это надо чувствовать, в это надо верить...

Вспомним еще об одном важнейшем обстоятельстве: великий иконописец жил в сложную эпоху духовного брожения, раскола в обществе. Но его фрески — как бы призыв к единству на основе любви и веры. И это так необходимо нашему смутному времени. Ведь наши души смятены, и мы так нуждаемся в вечном.

...Вологжане ценят и любят «дионисиевские» пейзажи Е. Соколова. И не только вологжане. Предполагается, что его выставка будет также показана в Мюнхене, художник получил приглашение на творческую поездку в ФРГ.

На снимке: Е. А. Соколов.

Фото Николая ЧЕСНОКОВА.